«ПОКА МЫ ПРОДАЕМ НЕФТЬ, НАШ ВИЗУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ЛЕЖИТ В АРХИВАХ»

Основатель и руководитель проекта «В поисках утраченного ковчега» — первого в России дизайн-бюро орнаментальных решений, исследователь предметной идентичности и русского орнаментального наследия Анастасия Андреевская — о том, как рождаются вещи с культурной биографией, и о новых возможностях для русского виртуального экспорта

МОЙ муж — датчанин. Дания — страна, которая, будучи сравнимой по численности населения с Петербургом, умеет говорить о себе так, что весь мир слушает. Муж часто повторяет с искренней гордостью: «У нас есть Lego, есть Joe & The Juice, есть Danfoss и Grundfos, есть ECCO — всё это знают по всему миру. Мы маленькое государство, но продаем миру идеи, технологии, вкус, стиль. А Россия? Россия продает нефть, газ и металл. А что вы предъявляете сами от себя?» Мне каждый раз обидно. Потому что за кадром остается то, что не поддается быстрому подсчету. Россия дала миру величайшие образцы искусства, живописи, литературы, архитектуры, музыки, балета. Россия создала одну из богатейших визуальных культур в мире, просто мы, возможно, не научились ее предъявлять.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРАМИ ПРОЕКТА «В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО КОВЧЕГА»

Матрешка — это не весь ответ

Когда иностранец думает о русском визуальном стиле, в голову приходит одно и то же: хохлома, матрешка, павловопосадский платок, узнаваемые мотивы русского фарфора. Все это, безусловно, подлинные и красивые явления. Но они давно стали узнаваемым сувенирным образом, не требующим никакого усилия для понимания. Между тем за этим фасадом существует гораздо более широкий пласт русской визуальной культуры: сложный, интеллектуальный и до сих пор мало освоенный современным дизайном. Это мир рукописной орнаментики, книжной графики, церковного искусства, текстильных традиций, декоративных ремесел и многих других явлений, которые пока остаются известны главным образом специалистам.

Один из таких примеров — орнаментика гуслицких рукописей, или рукописных книг XVII–XIX веков. Гуслицкие рукописи — это певческие книги, созданные в районе реки Гуслицы на востоке Подмосковья, которые представляют собой визуальную систему удивительной последовательности и глубины. Это не просто набор декоративных элементов, это скорее язык, в котором исследователи и хранители традиции видят отражение представлений о мире, вере и порядке вещей тех времен.

Именно с этим материалом я работаю в своем проекте «В поисках утраченного ковчега». И именно здесь, как мне кажется, находится одна из недооцененных возможностей для русского визуального экспорта — направления, которое пока остается скорее исключением, чем устойчивой практикой.

Как выглядит работа с источником

Все начинается в архивах. Не в переносном смысле, а буквально. Первой точкой для нас стал Пушкинский Дом в Петербурге, где хранится серьезное собрание гуслицких рукописей. Потом мы с моим дизайнером отправились в Москву, в Румянцевский зал отдела рукописей Российской государственной библиотеки в том самом Доме Пашкова над Боровицким холмом. Попасть туда непросто: разрешение на работу с фондами обычно получают студенты, пишущие квалификационные работы, или ученые. Я не студент и не ученый. Пришлось оформлять официальное отношение, договариваться с заведующей отделом. Как-то получилось. Нам выкатили тележку с рукописями. Белые перчатки, деревянные резные шкафы, тишина читального зала. Фотографировать нельзя, только смотреть, выписывать инвентарные номера страниц, формировать заказ на последующее сканирование. Это медленная, кропотливая работа. Именно такая, какой она и должна быть, если хочешь понять источник, а не просто вдохновиться картинкой из интернета.

Потом был Егорьевск, краеведческий музей, который считает себя главным хранителем гуслицкой традиции. Стены там расписаны в гуслицком стиле: входишь и сразу понимаешь, что это не стилизация, а живая память места. После мы отправились в Гуслицкий монастырь и село Ильинский Погост, где директор местной школы открыл небольшой музей прямо в школьных стенах. Маленький, самодеятельный и совершенно пронзительный. Все это — не антуражные поездки. Они становились способом понять орнамент не как мотив, а как систему с ее собственной логикой, грамматикой, внутренними смыслами.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРАМИ ПРОЕКТА «В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО КОВЧЕГА»